

11 6 АПР 1988

28

г. Москва

СЕЙЧАС о нем пишут газеты, в творческом объединении «Экран» снят документальный фильм «Формула света». А еще в прошлом году о нем почти ничего не знали даже специалисты.

Экипированная по всем правилам — белый халат, бахилы, шапочка, стерильная маска — я вошла в операционную. И увидела картину, знакомую по фильмам: белый кафель, холодный блеск разложенных инструментов, закутанный в простыню больной...

Необычен был разве что микроскоп. Хирург Эрнст Мулдашев объяснил: «Это операция по поводу... как бы вам сказать... что-то вроде инфаркта глаза».

Городская больница № 10 в Уфе. Таблетки. Уколы. Термо-

метры. Лица, отмеченные печатью болезни. В глазах травмированных, больных и вовсе невидящих, затаилась надежда, что тут помогут, спасут. Эти несколько комнат, прилегающих к отделению на 60 коек, — уникальный научно-производственный и лечебный комплекс, единственная в стране лаборатория консервации тканей для пластических операций и офтальмологии.

Мулдашеву и его соратникам принадлежат больше двадцати изобретений в области офтальмологии, зарубежные патенты, дипломы всесо-

юзных и международных выставок.

Свое главное открытие Мулдашев сделал на студенческой скамье. Изучал анатомию, и вдруг... Как происходит это «вдруг», никто не знает. Думая о глазе, ключ к лечению он нашел в... клетчатке человеческой подошвы.

Жировая подошвенная клетчатка человека, изученная студентом Мулдашевым, оказалось, обладает удивительными свойствами: она не усыхает, пластична, дает возможность образовать из нее любую форму, легко вживляется в ткань чужого организма, через несколько месяцев после операции рассасывается и способствует росту клеток той самой ткани, которая была поражена болезнью. Трансплантат из этой клетки назван

«Аллоплантом», что означает «чужой саженец».

Маленькая лаборатория III глазного отделения выпустила за эти годы трансплантатов для семи тысяч операций. Отсюда в лечебные и научные учреждения не только Башкирии, но и всей страны отправляется новый препарат, его ждут в офтальмологических центрах Японии, Франции, ФРГ, Греции, США, Канады.

Лаборантка Наташа Макеева рассказывает:

— В первый день, как пришла работать, дали препарат, скальпель. Проревела полдня, ничему не научилась. Тогда Мулдашев повел меня на операцию. Когда увидела, как возвращается зрение к ослепшему человеку, как благодарят и плачут выздоровевшие,

стала понимать, что я делаю и во имя чего.

Операция требует от хирурга колоссального напряжения. Лицо Мулдашева мокрое от пота. И только когда уже ясно, что все в порядке, ассистент доводит операцию до конца, а сам хирург устало садится на стул в углу, стаскивает повязку, вытирает лицо, разговаривает с пациентом. С башкирами — по-башкирски, с татарами — по-татарски. Им спокойнее, когда слышат хоть несколько слов на родном языке. Им легче на душе от картины, висящей на стене в предоперационной, от легкой музыки, от шуток, которыми перебрасываются хирурги: раз шутят — значит, все идет хорошо.

За три года сделано несколько тысяч операций, про-

цент рецидивов — один из самых низких в мире.

Верили в успех Мулдашева сначала немногие. И среди них — замечательный микрохирург профессор С. Н. Федоров, возглавляющий Межотраслевой научно-технический комплекс микрохирургии глаза. Не так давно группа Э. Мулдашева, получив название «Лаборатория пластической хирургии с производством трансплантатов «Аллоплант», включена в качестве филиала в систему МНТК.

Конец рабочего дня. Опять кто-то из больных караулит Мулдашева на лестнице. Он обещает утром посмотреть. Но ведь завтра суббота? Ничего, придет. Обязательно придет.

О. СЕРЕГИНА.

Уфа.

XV